

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

МИХАИЛ СЕРЕГИН

ПРАВЕДНИК

КУЛАК И КРЕСТ

ПРАВЕДНЫЙ ДЕТЕКТИВ -
ВЕРОЙ И СИЛОЙ

Праведник

Михаил Серегин

Кулак и крест

«Научная книга»

Серегин М. Г.

Кулак и крест / М. Г. Серегин — «Научная книга»,
— (Праведник)

Священники, как и военные, беспрекословно исполняют приказы начальства. Отцу Василию это не в новинку, ведь за плечами у него служба в войсках спецназа. И вот теперь ему приходится сниматься с насиженных мест и ехать на служение в отдаленный приход на Севере России. Места там лихие и отцу Василию не раз придется вспомнить свой армейский опыт...

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Михаил Серегин

Кулак и крест

Глава 1

Проводница приветливо улыбнулась, беря из рук отца Василия паспорт и билет, бегло сверила фамилию и фотографию с оригиналом.

– Проходите, пожалуйста, – приятным грудным голосом сказала она, – место пятнадцатое.

– Спасибо, дочка, – ответил священник, принимая из рук проводницы паспорт с билетом.

Подняв с земли свой маленький чемодан, отец Василий взялся за поручень и шагнул на ступеньку. Он отчетливо чувствовал на своей спине, что девушка провожает его любопытным взглядом. Молоденькая еще, подумал отец Василий, не часто, видать, священники у нее ездят в вагоне.

Билет в СВ отец Василий взял не из-за барства и не от лишних денег. Просто ему хотелось, чтобы рядом было поменьше людей. Его миссия располагала к размышлениям, к уединению. Даже в купейном вагоне, не то что в плацкартном, внимание к его особе будет повышенным. Отец Василий не сторонился общения с мирянами, более того, его сан как раз предполагал такое общение. Через него в повседневной жизни и следовало нести людям свет веры, любовь к ближнему. Священник даже любил такие вот неформальные случайные общения, видя, как пропадает в собеседнике смятение чувств и мыслей, появляется спокойствие и простота восприятия мира, таким каким его создал Господь.

В своей поездке к новому месту службы его тяготила мысль, что найдутся и такие собеседники, которые будут относиться к священнику с праздным любопытством, соревноваться друг перед другом в изложении своего понимания мира и места в нем православной церкви. Философия эта, как правило, была низкой, никчемной от общей безграмотности. Больно и горестно было сознавать, как низка еще в народе духовность. С усмешкой наблюдал отец Василий и рассуждающих о религии и православии современных чиновников различного ранга. Эти рисовались перед священником своей позицией, тщательно скрывая дань современной моде в их кругах посещать церковь, встречаться с высокопоставленными священниками. Как они много рассуждали, как много было правильных слов, исторгавшихся потоками и водопадами!.. Но движений души за ними отец Василий не видел. Он со снисхождением смотрел на таких собеседников, понимая, что и от них есть польза в восстановлении общей духовности народа. Они хоть какой-то пример подадут, помогают не стесняться войти в храм тем, кто чувствует истинную потребность.

Войдя в пустое купе, отец Василий бросил на мягкий диван свой багаж, раздвинул ситцевые занавесочки на окне и присел за столик. За окном священнику помахали двое провожающих: сильно постаревший за эти годы бывший капитан милиции Виктор Сергеевич Бугров и новый участковый Володя Сундеев.

* * *

Сегодня днем, когда отец Василий собирался к поезду и аккуратно укладывал свой маленький чемоданчик, в дверь его дома вежливо постучали.

– Открыто, – гаркнул отец Василий из комнаты, решив, что это опять пришла соседка.

Но в прихожей затопали явно мужские шаги. Священник удивленно выглянул из комнаты и увидел Бугрова. Из-за спины старого милиционера выглядывало любопытное веснушчатое

лицо белобрысого участкового Володи. Приход гостей несколько удивил отца Василия, а угрюмое лицо Виктора Сергеевича даже насторожило. Священник замер в дверном проеме, ожидая, что гости сами поведают о причине своего визита. С Бугровым попрощались еще вчера. Посидели на берегу на закате с бутылочкой, потом прибежал запыхавшийся главврач Костя со спиртом. Хорошо посидели, повспоминали. Вроде бы все уже сказано, все напутствия даны.

– Собираешься? – вместо приветствия задумчиво спросил Бугров, обведя взглядом почти пустой дом.

– Собираюсь, – ответил отец Василий, пристально глядя в глаза старого милиционера. – А ты никак с вестями какими пришел, Виктор Сергеевич? Или Сундеев тебя на пятнадцать суток оприходовал?

Бугров как-то рассеянно оглянулся на улыбнувшегося участкового и нахмурился еще больше. Пройдя в комнату, Виктор Сергеевич бросил не оглядываясь через плечо участковому:

– Изложи, Володя.

– Видите ли, отец Василий, – сказал участковый, став серьезным, – ориентировку мы получили сегодня утром. Из мест заключения бежал Чичеров.

– Бежал? – удивленно вскинул брови священник. – Это сколько же он срока своего не домотал?

Опять это беспокойное прошлое, со вздохом подумал отец Василий. Сколько лет он отмаживал грехи свои, как долго не отпускало оно его, это прошлое. И ведь победил отец Василий, а в миру Михаил Иванович Шатунов, бывший спецназовец, победил в себе гордыню и преодолел гневливость, научился видеть мир с другой стороны. Очень сильно изменился отец Василий за эти долгие годы. И епархия стала смотреть на него по-другому, и прихожан стало больше. Да и время теперь совсем другое, не то что в девяностые. Учителя стали иногда приглашать на классные часы в рамках программы «Духовного возрождения», вот уже несколько лет работал он при храме в воскресной школе.

В последние годы даже в воинские части стали приглашать отца Василия. Теперь он уже совсем другими глазами смотрел на восемнадцати-двадцатилетних солдатиков, молил Господа дать им силу духа, если придется участвовать в настоящем бою. Часто навещал отец Василий воспитанников военно-патриотического клуба, которым руководил до недавнего времени Виктор Сергеевич.

– Столько, – проворчал Бугров, – сколько ему и осталось. Ты, вот что, отец Василий, повнимательнее будь там, в своей новой епархии.

– Да перестань, Виктор Сергеевич, – с улыбкой ответил старому милиционеру священник, – не перегибай палку-то. По серьезной статье мужик сел. Ему в бегах сейчас нору искать надо, куда забиться можно от всего белого света. Неужели ты всерьез думаешь, что Чичер первым делом бросится с Колымы сюда на Волгу, чтобы меня искать и счета сводить? Да и других причин сюда ехать у него вроде нет. Машинку его я тогда гранатой вдребезги разнес.

– Я тоже считаю, что Чичеров мужик не глупый, – поддержал священника Сундеев. – Он же должен понимать, что искать его будут первым делом по связям, по предыдущему месту жительства. Но вот Виктор Сергеевич, – участковый кивнул на Бугрова, – считает, что вас надо обязательно предупредить.

– Ты, Володя, не хорохорься, – неожиданно повернулся к участковому Бугров. – Чичеров – не мальчик. К твоему сведению, он в спецподразделении служил, а это очень много значит в плане выучки и силы характера. Если он все эти годы злобу на отца Василия копил, то его ничем теперь не остановишь. Тем более, терять ему больше нечего. Ты знаешь, что в свое время, еще находясь на службе, он со своим дружкой протащил сюда к нам здоровенный агрегат для производства фальшивых денег? А потом много лет успешно сбывал свою продукцию. Это тебе ни о чем не говорит?

– Хитер и предприимчив, – согласился молодой лейтенант. – Но ведь столько лет уже прошло...

– Столько лет, – передразнил участкового Бугров. – Что для спецназовца значит «столько лет»? Вон отец Василий. Хоть и священник, а что значит подготовочка. Он в былые времена один-одинешенек выстоял против Парфена. И ничего, посадили как миленького, хотя у того и ментовка, и ФСБ на откупе были. Покажи-ка ему свои шрамы, – кивнул Виктор Сергеевич священнику. – И Чичера этого он накрыл. Вот что значит спецназ!

– Ладно тебе, Виктор Сергеевич, – махнул рукой отец Василий, – обстоятельства тогда такие были.

– Ты руками-то не маши, – неожиданно разозлился Бугров, – а лучше включи свою интуицию и осторожность. Глаз у тебя острый, людей насквозь видишь, ситуацию чувствуешь. Вот и поглядывай по сторонам между делом.

– Ладно, ладно, – добродушно усмехаясь, священник полуобнял Бугрова за плечи. – Спасибо, ребята, за предупреждение. Буду помнить о Чичере. А вы тут лучше его поймите и верните назад. Много чего он может в злобе своей натворить.

Обнаружив, что до сих пор держит в руках стопку нижнего белья, которую так и не положил в чемодан, отец Василий вернулся в комнату.

– Зона, конечно, не чистилище, – послышался его голос из комнаты, – грехов там не искупить. Большая это проблема, ребята, и не только для нашей страны. Нигде ее до сих пор так и не решили. Зона по-прежнему остается лишь местом для изоляции преступников от общества, а ведь должна бы перевоспитывать, души очищать.

– Это точно, – поддержал священника Сундеев, – не слышал я еще о таких случаях, чтобы оттуда кто-нибудь шибко перевоспитанным вышел. А о том, как скатывались по наклонной плоскости те, кто уже срок отмотал, – вот это всегда пожалуйста.

– Вот-вот, – согласился отец Василий, крутясь на месте и ища, куда он положил свои туалетные принадлежности.

– Интересно, – усмехнулся Виктор Сергеевич, возникнув в дверном проеме и прислонившись плечом к косяку, – как это не чистилище? Уж такого ада, как там, в наше время и найти трудно. Тебе ли не знать?

– Ад, говоришь? – со вздохом переспросил отец Василий и повернулся к старому милиционеру, недовольный тем, что его опять втягивают в бесплодный спор. – Как можно, не зная Писания, рассуждать о таких вещах? Удивляюсь я тебе, Виктор Сергеевич, у тебя представления об аде как о месте, где мучают грешников. Это же не гестапо, в самом деле.

– Не понял, – пожал плечами удивленный Бугров, – кажется, во всех религиях ад так и толкуется: как место, где грешники принимают муки за те грехи, которые совершили при жизни. Всякие там котлы со смолой, адское пламя...

– Ну, вы прямо как дети, – рассмеялся священник и хлопнул себя руками по бедрам. – А вот они где!

Отец Василий нашел наконец полиэтиленовый мешочек с мылом, зубной щеткой и пастой, который впопыхах сунул в карман рясы. Достал туалетные принадлежности и положил их в отдельный кармашек на верхней крышке своего чемодана. Молодой парень с интересом слушал спор двух старых друзей: бывшего участкового и священника.

– Все эти странные представления исключительно от безграмотности, – сказал отец Василий, захлопнув крышку чемодана и оперевшись на него обеими руками. – Адом или чистилищем в христианстве, да и в других религиях, называют место, где души проходят очищение. Все изображения ада, которые вы видели в книгах с голыми грешниками, которых черти варят на огне в котлах – не более, чем аллегория, призванная пробудить хоть какую-то ассоциацию у обывателя с теми муками, которые ему, грешному, придется претерпеть на том свете.

– А что, на самом деле все происходит совсем не так? – оживился Сундеев интересному новому направлению их беседы.

– Господи, да не это главное, так или не так, – устало ответил священник и укоризненно посмотрел на горящего праздным любопытством молодого участкового. – Главное, что муки, которые грешнику придется принять – неизбежны. Но душа-то ведь бестелесна в земном понимании. Муки, принимаемые грешниками в чистилище – это муки душевные, раскаяние. Вы, Володя, слишком молоды, чтобы понять, что они гораздо тяжелее мук физических, и могут быть просто невыносимыми. Так что муки ада призваны не отомстить грешнику за все содеянное им при жизни; Господь милостив, Он не мстит, а дает возможность осознать всю тяжесть греха, очиститься через душевные страдания и предстать перед Ним. Вот в чем милосердие и любовь Господни. Понимаете?

– Ладно, мы все-таки проводим тебя до поезда, – не совсем в тему сказал Бугров. – Проводим, в вагон посадим и ручкой помашем.

– Благое дело задумали, чада мои, – рассмеялся примирительно отец Василий и стал застегивать чемодан.

* * *

В купе к отцу Василию на станции больше никто не сел. Наверное, сядет в областном центре, решил он. Откинувшись на спинку, священник рассеянно смотрел на медленно уползающую назад платформу. Прошли чередой станционные постройки. Задумчивая корова проводила взглядом состав – и потянулись за окном, все убыстряя свой обратный бег, поля, перелески и шоссе с редкими легковушками и длинными фурами дальнобойщиков. Красное солнце на закате мелькало в просветах лесополос, как прощальный семафор.

Ну, вот и все, подумал отец Василий, второй крутой поворот в моей жизни. Даже мысль, что он уезжает из родного Усть-Кудеяра навсегда, не навеяла в нем грусти, не отозвалась щемящей болью в груди. Была какая-то легкость – и томление. Такое чувство возникало у него в детстве, когда он отъезжал с приятелями и одноклассниками от здания школы на автобусе в летний лагерь. Впереди лишь манящее ожидание новых впечатлений.

Олюшки с Мишанькой вот долго рядом не будет, вспомнил с теплой грустью отец Василий. Но это и к лучшему, это их общее решение. Пока он там не устроится и не наладит свои дела, не стоит вести жену с сыном. Глядишь, к осени и подъедут, чтобы Мишанька мог начать учебный год в новой школе.

В дверях купе неслышно появилась прежняя проводница, но теперь уже без кителя, а в одной форменной рубашке с погонами.

– Ваш билет, пожалуйста, – как-то неуверенно попросила девушка и чуть замялась.

Отец Василий сразу понял, что проводница хотела проявить вежливость, но не знала, какими словами следует обращаться к этому еще не старому, высокому священнику. Чуть улыбнувшись, отец Василий протянул девушке свой билет, вложенный в паспорт. Проводница не стала смотреть во второй раз в документы, сделала себе какую-то пометку в записной книжке, свернула билет и сунула его в соответствующий кармашек раскладной служебной сумки. Отец Василий смотрел на все эти манипуляции добродушно, с еле заметной улыбкой. Он давно заметил, что молодежь как-то стесняется общаться со священниками. Люди в возрасте и пожилые, наоборот, стараются вести себя навязчиво, самоуверенно, но тоже неестественно. Это и понятно, после долгих лет воинствующего атеизма многие поколения привыкли относиться к неожиданно встретившемуся на пути священнослужителю как к какой-то экзотике. Как во времена «железного занавеса» к негру, например. И интересно, и интерес свой показать неудобно. А ведь долгое время священники были людям так же близки, как и родители. К кому стремились в стародавние времена со своими радостями и печальями, со своей

бедой? К духовнику: он благословит, исповедует, на путь истинный наставит, и поддержит словом теплым в тяжкую минуту, даст совет и надежду.

– А хотите чаю? – спросила проводница, наконец закончив со своими манипуляциями и подняв на священника глаза. – У меня и с лимоном есть. Печенье есть, вафли, шоколад.

– Спасибо, дочка, – поблагодарил отец Василий, – просто стаканчик чаю.

За окном мелькали столбы, овраги. Поля сменялись редкими лесочками, проносились и оставались позади переезды с будками стрелочников. Или они сейчас как-то по другому называются, лениво текли мысли в голове у отца Василия. Мимо купе по коридору прошла проводница. Что-то щелкнуло, мягко открылась и закрылась дверь, отделяющая коридор от предбанника. Туалеты открыли, догадался священник. Он повернулся к своему чемодану. Пора было обосновываться в купе обстоятельно и надолго. Расстегнув пряжки чемодана, отец Василий не спеша достал туалетные принадлежности, сам чемодан сунул в нишу под своим диваном. Накинув на плечо полотенце, он отправился умываться.

В поездах отец Василий не ездил уже давно, но характерный запах пассажирских вагонов узнают сразу, лишь ступив ногой внутрь. Однако, надо отдать должное, этот вагон был чистеньким и опрятным. Даже в туалете не стояло того специфического запаха дезинфекции с примесью застарелой вони.

С удовольствием умывшись и причесавшись перед зеркалом, священник открыл дверь в коридор. Две женщины, стоявшие с полотенцами в предбаннике и ожидавшие своей очереди, от неожиданности опешили. Эти тоже, судя по всему, не часто встречались со священниками вот так, нос к носу. От неожиданности и в состоянии растерянности люди часто ведут себя странно. Женщины не нашли ничего другого, как поздороваться.

– Храни вас Господь, – улыбнулся в ответ отец Василий. Он очень давно уже не покидал своего города и такая реакция окружающих на его внешний вид веселила.

Хорошего настроения добавил и тот факт, что на столике в купе его ждала беленькая чашка с чаем. На блюдце лежала чайная ложка и два кусочка сахара. Отец Василий понял, почему проводница так улыбнулась, когда он попросил ее ограничиться лишь стаканом чая. Он не знал, как в других поездах и вагонах, но в СВ чай подавали в настоящих чашках с блюдцами, а не в стаканах с подстаканниками, как он это помнил из поездок во времена своей молодости.

Переодевшись в спортивный костюм, отец Василий аккуратно повесил на плечики свою ряску и устроился у окна с чаем.

* * *

Все произошло примерно месяц назад, к полной его неожиданности. По какому-то поводу он отправился в областной центр. Вот тогда-то его неожиданно и пригласил к себе епископ Макарий. Отец Василий не ожидал такой чести и был очень взволнован.

Его преосвященство был невысоким дедулей со сморщенным лицом и очень живыми глазами. Они не делали его моложе, но излучали столько тепла, энергии и здоровой иронии, что отец Василий сразу почувствовал себя в его обществе легко и свободно. Они долго говорили о делах в приходе, о том, что удалось сделать отцу Василию за последние годы. Говорили и о тенденциях в современной православной церкви, о тех положительных переменах, которые наметились с приходом нового Патриарха.

– А знаете, отец Василий, – неожиданно произнес епископ, – я ведь давно наблюдаю за вами. Еще с тех времен, как вы приняли приход.

Отец Василий смутился и не нашелся, что ответить на это замечание. Он помнил, какие «телеги» поступали в свое время на него архиепископу и, наверное, даже митрополиту. В те смутные и сложные времена, когда он оказался в центре горячих событий в Усть-Кудеяре, частенько прихожане и местные чиновники на него жаловались. Было дело, что службы сры-

вали и обряды. Слава богу, что сам тогда жив остался, а то сколько раз был на волосок от смерти отец Василий в противостоянии с криминальными авторитетами и двурушниками из правоохранительных органов. Уберег его Господь, для важных, как надеялся отец Василий, дел. Так и оказалось.

– Вы очень изменились за эти годы, – продолжал епископ. – И не только потому, что вера в вас окрепла – она была в вас давно, иначе прихода мы бы вам не доверили. Но вот действия ваши как духовного наставника паствы очень много раз вызывали непонимание и недовольство кое-кого из высшего духовенства. Поверьте мне, отец Василий, – улыбнулся старик, – что я всегда вас защищал. А знаете почему? Потому что видел в вас силу негибаемую. И горячность ваша в ваших поступках, некоторая суетность, так это от неопытности и незрелости как пастыря божьего. А где же, как не в приходе, зрелости и опыта набираться. Вот и набрались. Говорить вы с людьми умеете, они к вам тянутся. И организатор вы хороший, и хозяйственник толковый.

– Вы, владыко, совсем меня захвалили, – снова смутился отец Василий. – А на добром слове спасибо. Что предписано то и делаю, а также то, что считаю необходимым делать. Вот и все.

– Вот в этом все и дело, – снова с улыбкой кивнул епископ. – Многие делают что предписано, но не все видят то, что необходимо. А видеть это дано не глазами. Истинная любовь гораздо глубже. Поэтому я вам, отец Василий, и хочу сделать одно важное предложение. Вам с вашими данными, характером и энергией – это дело как раз по плечу. Многие не выдерживали, сознаюсь, но вы сможете с Божьей помощью, я в это верю.

– Не понимаю, владыко, – удивился отец Василий.

– Огонь веры хочу вам доверить нести людям. Нести туда, где очень сейчас не хватает таких пастырей, как вы.

– Оставить приход?

– Именно. Оставить приход и отправиться в Сибирь, а точнее – в Якутию. Будете восстанавливать там храм, собирать прихожан. Дело трудное, но богоугодное.

– Даже и не знаю, что вам, владыко, ответить, – развел руками ошарашенный священник. – Я сейчас не готов к этому разговору. Для меня это так неожиданно...

– А я и не тороплю с ответом, – остановил отца Василия епископ, положив свою сморщенную ладнь на широченную кисть собеседника. – Возвращайтесь к себе в приход, с матушкой посоветуйтесь. На светлое дело вас направляю. Трудное, но светлое. А как храм восстановите, так и быть вам протоиереем в нем. Пора вам расти самому и воспитывать молодых служителей примером своим, духом и любовью.

Поговорили еще немного и об этой миссии. Старый епископ рассказывал о том, какие на реке Лене красивые места, сплошная благодать да чистота. А вернувшись домой, отец Василий тут же рассказал жене о предложении, которое ему сделали. На том и порешили: что Олюшка с сыном поживут у родителей, пока он не устроится и не осмотрится на новом месте. Дом продадут, а там видно будет, новый в селе покупать по месту службы или снимать. И только ночью, когда отец Василий уже засыпал, матушка прижалась щекой к его бороде, положила свою руку ему на грудь и чуть слышно прошептала:

– Я так горжусь тобой, Мишенька.

– Гордыня, – хотел было в шутку напомнить он сонным голосом, но она закрыла ему рот своей нежной рукой, пахнувшей сдобой.

– Ты понимаешь, Мишенька.

Он понимал и поэтому не стал больше ничего говорить и возражать. Много чего его Олюшка натерпелась с ним. И в заложники ее бандиты хватили, и с дитем малым к шашлычнику Анзору убегала, пряталась, когда убийцы охотились за мужем. Все понимала и не осуждала. Не мог ее благоверный оставаться в стороне, когда вокруг зло бесчинствует. Вот и при-

знания дождалась. А разлука что, пролетит быстро. Самое главное, верила в него, в то, что он не испугается трудностей, не бросит начатое, не сбежит назад, как это часто бывало в таких случаях. Поэтому митрополиты и рассылали по епископатам предложения участвовать в восстановлении храмов Сибири и направить туда лучших своих священников. Значит, отец Василий был одним из лучших, настоящим пастырем. Это наполняло душу матушки Ольги радостью, она готова была следовать за ним хоть на край света и переносить любые трудности.

* * *

Отец Василий пил чай и размышлял о предстоящем деле. Привычка держать свои мысли в строгости и военная закалка заставляли священника планировать четко, с учетом возможных вариантов развития событий, любых факторов и собственных сил. Предстоящая миссия была по большей части хозяйственной, управленческой. По крайней мере, на первом этапе. Нужно было организовать работы по восстановлению храма. Значит, придется обивать пороги, кого-то убеждать, где-то смиренно просить, а где-то откровенно нажимать и твердо требовать. Как ни неприятно это сознавать, но церковь обросла чиновниками. Своими, в рясах, но чиновниками. Потом придется и приход собирать. Тут уже должна действовать сила слова. И даже не убеждения, к которому прибегают, когда собирают люд на субботники, а именно просвещения. Нужно не убеждать идти в церковь, а пробуждать в людях духовное начало, открывать их сердца навстречу к вере.

Эта особенность православия очень радовала отца Василия. Православные священники никогда не навязывали своего учения. Они просто жили среди своего народа и могли помочь в трудную минуту, общались, отвечали на вопросы. Старались создавать своей жизнью образец поведения отношения к людям, заинтересовать стремлением к духовности, привлечь к делам церкви. Так жили преподобные старцы во все века, творя добро и стараясь быть нужными людям.

Правда, оставались еще и такие, как Чичер. С одной стороны, относиться к ним как к противникам церкви и веры, нельзя. Но, с другой стороны, они представляют собой угрозу обществу, а значит, и прихожанам. Такие, как он, олицетворяют собой зло, а церковь призвана помогать бороться со злом. Вот тут и происходило некое раздвоение личности у отца Василия, которое не оставляло его многие годы. Где грань между «помогать бороться» и «противостоять»? Наличие сана не отменяет гражданской позиции и человеческого долга. Православие проповедует любовь к ближнему, даже к врагу своему, но не смирение перед злом. Не должно быть ненависти и злобы. Остановить творящего зло надо, но и помочь спастись грешнику, творящему зло, – его долг как духовного наставника. В этом и есть первая задача церкви. Помочь спастись душе, направив ее на путь истинный.

Отец Василий понимал, что с Чичером ему, возможно, еще придется столкнуться, но теперь он относился к этой встрече совершенно по-другому. Когда-то, много лет назад, он остановил Чичера броском гранаты РГ-42. Силен еще тогда был в отце Василии Миша Шатунов, которого в спецназе знали под прозвищем Шатун. Священник долго замаливал грех пролития крови и до сих пор старался не вспоминать этот эпизод. Сказать точно, как он должен был тогда действовать, а как нет, отец Василий не мог до сих пор. Свои сомнения он скрывал от себя и от других долгие годы. И только спустя много-много лет отец Василий неожиданно нашел в себе этот баланс. Груз грехов – это его крест. Это дело лично его и Господа. Господь милостив, он принимает покаянную душу. Можно победить зло любым доступным в тот момент способом. Не надо сдаваться. Но самое главное, чтобы борьба со злом не превращалась во зло, не мерк в душе свет, не брала верх ненависть и злоба.

Отец Василий не придумал этого, а просто в какой-то момент осознал. И родители наказывают свое дитя, продолжая его любить. Отсюда и пошло именование людей, посвятивших

себя служению богу, батюшками и матушками, а те именуют паству свою чадами. Прошли мучившие его тягостные сны.

В памяти отец Василия, тогда еще сержант-сверхсрочник Миша Шатунов, выбил окно ногами и кубарем влетел в актовй зал. Это вокруг прежнего Миши Шатунова с шелестом осыпались осколки стекла. Это другой человек его глазами видел, как справа, на сцене, клубилось варево человеческих тел в одинаковых серых зэковских спецовках. Это другому человеку заорал из толпы Бош: «Шатун! Мишаня-а-а!» И тот Михаил побежал на зов, давя трещащие под ногами стулья, прыгнул на сцену и начал молотить зэков дубинкой по головам. Не на него, а на другого поперла серая масса с выпученными глазами, оскаленными зубами и хищно пронзающими воздух заточками. Тот Михаил молотил направо и налево, со свистом рассекая воздух дубинкой, щитом отжимая тех, что слева, и пробиваясь к Бошу и Мулле. Другой, еще умеющий неистово ненавидеть, увидел, что Бош сидел у стены, расставив руки в стороны, словно распятый на кресте. Он звал его, а мертвый Бош не мог ему ответить, потому что из подмышек Боша, единственных незащищенных бронежилетом мест, веером торчали заточки.

Это другой Михаил перевел взгляд правее, где на залитом кровью полу лежал Мулла, которого достали ломом, который так и остался торчать откуда-то снизу между ног. И тот другой Михаил наклонился, рывком выдернул лом, а потом, отбросив щит, взял лом наперевес и ринулся на толпу зэков. Тот Михаил гнал зэков до самого пищеблока, чувствуя, как хрустят под его ударами позвонки и черепа, трещат порванные заостренным концом лома одежда и плоть. Последнего зэка тот Михаил зажал в угол, как мышь на кухне. И зэк заметался, понял, что деваться некуда, повернулся лицом и умоляюще посмотрел в глаза прежнему Михаилу. И этот совсем мальчишка лет восемнадцати хватал воздух ртом: «Не надо! Не надо, дяденька!» Тогда Михаил зачем-то придержал удар и вдруг понял, что ему смертельно хочется испытать, как хрустнет эта хилая грудная клетка под его ударом. И он снова занес лом, и пацан затравленно вжался спиной в угол, ожидая смерти.

Тогда тот Михаил мальчишку так и не ударил. Его остановил командир. Долгие годы Миша Шатунов так и думал, что его остановил командир. И только потом понял, что Господь уберег его. Спасая в ледяной проруби соседскую девчонку, он тоже понял, чья рука ему была протянута. Только спустя долгие и долгие годы служения Ему, Всемилостивейшему и Всепрощающему, он понял, что# движет миром. И тогда наконец в душе Мишани Шатунова, а потом и отца Василия воцарился мир и спокойствие. Оказывается, мир вокруг него ярок и прекрасен, а люди, окружающие его, достойны любви и прощения. И он сумел взглянуть на этот мир так, как предлагал это Господь. И у него наконец получилось.

То, что за окном совсем стемнело и мелькавший за окнами поезда пейзаж сделался темно-серым, затем слился в неразличимый поток с черными тенями и редкими фонарями на переездах, до отца Василия дошло, когда в вагоне включили свет. За своими мыслями священник и не заметил, как пролетело несколько часов. В руке он все также держал давно опустевшую чашку. Пора было укладываться спать. Отец Василий улыбнулся давним воспоминаниям. Рука сама легла на нагрудный крест.

– Благодарю тебя, Господи, – прошептал отец Василий, – за еще один прожитый мною день, который ты мне подарил.

* * *

Это произошло под утро, когда на самой кромке горизонта еще только наметилась неясная граница между ночью и днем. Небо только собиралось светлеть, а ночь уже перестала быть черной и непроглядной.

Ночная электричка вылетела на перегон и стала набирать скорость на ровном и открытом участке. Поезд был практически пуст, если не считать бригады рабочих, ехавших на очеред-

ную вахту, нескольких командировочных и десятка сельских жителей, которым нужно было добраться до города засветло. Машинист начал торможение, как обычно и как полагалось по инструкции, с запасом перед крутым поворотом полотна. Нагрузка тормозящего состава увеличила давление, и несколько шпал не выдержали. Несколько дней обложных дождей подмыли полотно. Бригады путевых обходчиков наверняка заметили бы намечающееся повреждение уже на следующий день, но природа этого им не дала.

Колесные па#ры электрички мерно стучали по стыкам рельс. Вот просела одна шпала под первым вагоном, потом вторая по диагонали от первой. Совсем чуть заметно, но этого было достаточно, чтобы вагоны электрички, проносясь по поврежденному участку, все больше и больше расшатывали полотно. Конец шпалы слева, справа, слева, справа...

Четыре первых вагона проскочили поврежденный участок, и только предпоследний, пятый вагон всем своим весом навалившись на переднюю колесную пару, вдавил шпалу в подмытую насыпь. Напитанная дождями насыпь поползла и колеса предпоследнего вагона потеряли опору. Резкий удар и полетевшие искры от соприкосновения на скорости, под большим давлением металла, щебня и бетона разбудили пассажиров электрички. От резкого рывка кто-то полетел на пол, а кто-то на спинки передних сидений. Со страшным скрежетом электричка стала останавливаться, а два последних вагона уже заваливались на правый бок.

Звона разбивающихся стекол и криков перепуганных людей было не слышно из-за грохота металла о землю. Еще несколько метров вагоны протащило по откосу, разрывая металл обшивки, выворачивая бетонные шпалы и сгребая, как бульдозером, щебенчатую подсыпку полотна. Еще несколько мгновений в ночной тишине затихал грохот искореженных вагонов. Что-то с треском искрило, обдувая корпуса вагонов светящимися струями, а потом полыхнуло пламя...

Пассажирский должен был разминуться с электричкой на повороте. Машинисты прошли зеленый сигнал семафора, когда прозвучал вызов диспетчера и срочное требование тормозить. Перегон за поворотом был занят из-за аварии. Приказа экстренного торможения не было, потому что диспетчер решил, что у пассажирского достаточно дистанции для остановки состава в плановом режиме. Экстренные торможения пассажирских составов обычно приводят к большому числу несчастных случаев в вагонах.

Когда машинисты, напряженно вглядываясь в ночь впереди состава, пытались плавно остановиться, поворот закончился и перед ними открылась панорама крушения. Первым рефлекторным желанием было перейти на экстренное торможение, но нервы опытной бригады выдержали. Пассажирский медленно, скрипя тормозными колодками, под короткие аварийные гудки вплотную приблизился к застывшей электричке и наконец замер.

Отец Василий проснулся сразу, будто и не спал. Давнее, но хорошо знакомое чувство беды, которая была где-то рядом, разбудило его. Сработала интуиция и рефлексы. Священник еще не понял, что поезд тормозит как-то не так, или ему это только показалось, но рука сразу же нашла в темноте массивный нагрудный крест, который лежал на столике. Поезд остановился, в передней части вагона лязгнули запоры дверей тамбура, потом еще. Проводница отпирала сразу обе двери, правую и левую. Затем послышались ее быстрые шаги по коридору, и защелкали запоры дверей тамбура в другой части вагона.

Что-то случилось, подумал отец Василий. По тому, что проводница отперла сразу все двери, логично было предположить начало эвакуации пассажиров вагона. Священник накиннул на шею цепочку креста, нащупал ногами тапочки, отшвырнул их и наконец нашел свои туфли. Выйдя из своего купе и настороженно прислушиваясь, отец Василий, как и спал в своем спортивном костюме, пошел в сторону купе проводников. Там никого не оказалось. Он вышел в тамбур и, взявшись за поручни, выглянул в ночь.

Его вагон был вторым в составе. Впереди перед локомотивом в ярком свете прожектора виднелась огромная туша электрички с темными окнами и опущенными токоприемниками.

Зрелище было зловещим. Тем более что дальше, в конце электрички, мелькал огонь пожара, бегали и кричали какие-то люди. Сбоку от полотна чернели в неверном свете выбивающихся языков пламени лежащие на боку вагоны.

– Господи Боже, – прошептал пораженный священник, перекрестившись, – что же это такое?..

Снизу по щебенке послышались легкие быстрые шаги, и перед ступеньками появилась бледная перепуганная проводница. Отец Василий спрыгнул к ней на землю и, взяв обеими руками за плечи всхлипывавшую девушку, требовательно спросил:

– Что там случилось?

– Два вагона сошли с рельсов, – сдавленным голосом пояснила девушка, – и загорелись.

– Приказ эвакуировать пассажиров с нашего поезда был? – твердо спросил священник и встряхнул перепуганную проводницу, чтобы привести ее в чувства.

– Нет, – удивленно и постепенно приходя в себя ответила та, уставившись на странного пассажира.

– Тогда иди в вагон и никуда не выходи, дочка, – сказал отец Василий непререкаемым тоном. – Слушай свою связь и вспомни инструкцию. А я пойду туда.

– Куда? – встрепенулась проводница, вспомнив наконец инструкцию. – Туда нельзя ни в коем случае!

– Дочка, – вкрадчивым, но внушительным голосом сказал отец Василий, – там же пострадавшие есть, помощь нужна. Срочная помощь.

– Ребята из нашей бригады уже побежали туда, – сбивчиво стала объяснять проводница, вцепившись в рукав пассажира и таща его к вагону, – спасателей вызвали. А вам туда не нужно.

– Отставить! – рыкнул священник, и девушка тут же отпустила его рукав. – Дочка, – снова заговорил отец Василий, стараясь говорить очень убедительно, – я священник, я должен быть там, где у людей беда. И не переживай за меня, мне не впервой.

Придерживая на груди рукой крест, отец Василий побежал вдоль вагонов, спотыкаясь и оскальзываясь на мокром щебне. Около опрокинутых вагонов действительно суетилось человек шесть-восемь в форменных железнодорожных рубашках. Несколько человек пытались погасить огонь с помощью больших десятилитровых огнетушителей. Обнаружилась рядом и небольшая, рассредоточившаяся вдоль насыпи толпа пассажиров. Но что поразило священника, так это то, что помощь десятку раненых оказывало всего двое или трое. Кто-то из пострадавших лежал без движения, может, без сознания, кто-то стонал и ворочался. Лежавшие на земле были в грязи и копоти, некоторые и в крови.

Первым делом священник решил оценить обстановку и осмотреться. Он подбежал к лежавшим на земле людям и наметанным глазом понял, что трое уже мертвы. Такие вещи он давно уже умел определять безошибочно. Остальные, с ушибами, возможно, и переломами, не вызывали опасений. Хуже было другое. В вагоне, который пытались тушить железнодорожники, оставались люди. И огонь подступал к ним с двух сторон. Догадаться об этом можно было по крикам и топоту изнутри, хотя вагон лежал почти крышей вниз на склоне насыпи.

– Не на огонь лейте! – заорал отец Василий, появившийся неожиданно из темноты за спинами людей с огнетушителями. – Отсюда и отсюда, – он ткнул рукой в сторону вагона, – защитите проход! Я их выташу!

Не дожидаясь ответа опешивших от такого напора железнодорожников, священник бросился к вагону. Если он чего сейчас и боялся, так только того, что все сейчас бросят спасать людей и ринутся отговаривать, останавливать его. Сложившийся и смятый токоприемник оказался очень кстати. В два прыжка отец Василий бросил свое тело вверх, отталкиваясь ногами и цепляясь руками. На боку вагона, который теперь стал крышей, было невероятное тепло. Огонь полыхал в нескольких метрах слева.

Окно вагона, которое было ближе всего к священнику, оказалось чуть приспущенным, и это облегчало его задачу. Выбить толстенное двойное стекло было немислимо, но вот край рамы в деревянном, пусть и толстом оформлении был более уязвимым местом. После нескольких ударов ноги край фрамуги треснул, а по стеклу брызнули несколько радиально расходящихся трещин. Теперь можно было бить и в стекло. Высадив его ударами ноги, отец Василий присел на корточки и, чувствуя, что спина его спортивной куртки вот-вот начнет дымиться, стал выдергивать и отбрасывать осколки стекла из рамы. Снизу появились грязные закопченные лица, и среди них одно девичье. Очистив от стекла оконный проем, отец Василий понял, что проблемы еще только начинаются. Ширина вагона была больше его высоты, и лежал он на боку. Значит, чтобы дотянуться изнутри до окна, людям не на что встать.

Времени терять было нельзя. От первой же идеи спустить вниз за рукав свою куртку священник отказался – не выдержит материя. Он быстро спустил свое тело по пояс в окно, прижавшись спиной к одному его краю и положив руки на горизонтальную поверхность.

– Подсадите девчонку! – заорал он вниз. – Я возьму ее ногами под мышки! Быстро там!

Двое парней не стали спорить со здоровым бородатым мужиком наверху, подхватили девушку под ноги и подняли ее над полом. Тут до отца Василия дошло, что куртка его наполовину расстегнута и нагрудный массивный крест висит поверх куртки. Оторвет ведь она его мне, точно оторвет, подумал он.

Подхватив девушку под мышки ступнями ног, священник крикнул:

– Как вверх тебя подтяну, сразу хватайся мне за шею и за край окна, поняла?

Изогнув ступни ног крючком вверх, как только мог, отец Василий напрягся и потянул ноги коленями вверх, поднимая девушку ближе к краю окна. «Если не ухватится с первого раза, то на вторую попытку сил у меня не хватит», – понял отец Василий, задыхаясь от лезшей в горло гари и нестерпимого жара вокруг. От этой мысли у него даже сил как будто прибавилось. Поднатужившись, он подтянул на ногах тело девушки почти до своей груди, и она судорожно схватилась одной рукой за его плечо, а второй за край окна. Стиснув ногами девичье тело, священник, сколько мог, помогал ей подтянуться.

Случилось то, чего он и опасался. Рука девушки соскользнула со скользкой ткани куртки, ее пальцы рванули цепочку креста.

– Держись, – хрипел отец Василий, пытаясь удержать девушку ногами навесу.

Она все-таки удержалась второй рукой. Благодаря тому, что ее держали еще и ногами, девушка ухватилась за край окна и подтянулась. Она почти оттолкнулась ступнями от коленей священника и наконец выбралась на вагон сверху. Чьи-то руки приняли ее и стянули вниз на насыпь. Ну, вот, Господи, подумал отец Василий, ты и подсказал мне, как быть дальше. Он имел в виду свой упавший внутрь крест. На миг отец Василий представил себе расположение сидений лежавшего на боку вагона. Это было как просветление. Окна в вагоне располагаются примерно на одинаковом расстоянии от пола и потолка. Ножки, на которых стоят сиденья и которыми сиденья крепятся к полу, высотой всего сантиметров двадцать-тридцать. Сейчас сиденья как будто привинчены к стене, а окно на потолке. Значит, цепляясь за эти ножки, можно добраться снизу до окна. Двум парням внизу сейчас этого не объяснишь, да и времени на это не осталось. Значит, нужно прыгать.

И отец Василий прыгнул. Прыгнул, как еще во времена своей службе в спецназе, с точным расчетом и четким планом действий. Приземлился он прямо около окна, чуть смягчив свое падение рукой о спинку кресла. Одного взгляда на сиденья было достаточно, чтобы понять, что в своих расчетах он не ошибся. Один из парней был с разбитым лицом. Этого отец Василий и наметил как первого.

– Быстро беремся и поднимаем его за ноги, – командовал отец Василий второму парню, – а ты хватаешься руками за край окна и подтягиваешься. Сможешь?

Парень кивнул, размазывая кровь по лицу и морщась от боли. Лицо у него оказалось сильно рассечено разбитым стеклом. Ничего, от потери крови не упадет, если до этого еще не упал, решил священник. Подхватив первого парня за голени ног, вдвоем подняли его вверх, и отец Василий с удовлетворением заметил, что тот хорошо ухватился за край окна. С криком «давай, подтягивайся» священник уперся руками снизу парню в ступни и буквально вытолкнул его наверх.

– Теперь ты, сынок, – тяжело дыша, проговорил священник. – Я сажусь на корточки, а ты встаешь мне на плечи. Придерживаешься за спинку кресла, а я встаю в полный рост. Потом хватаешься руками за край окна, а я толкаю тебя снизу. Понял?

Парень кивнул и приготовился. Хорошие ребята, похвалил или, скорее всего, приободрил самого себя отец Василий, спортивные и не нервные. В такой ситуации нервы – последнее дело. Второго парня удалось выпихнуть относительно легко, но дышать было уже нечем, а пол освещали только вспышки огня, отсветы которого попадали изредка внутрь. Один из отсветов пламени и осветил лежавший среди битого оконного стекла его нагрудный крест с порванной цепочкой.

– Спасибо тебе, Господи, – поблагодарил отец Василий, поднимая свой крест и засовывая его в карман спортивных штанов, – все в руках твоих, Господи. Спаси и сохрани!

Перекрестившись, священник быстро, как кошка, полез, цепляясь за ножки сидений, которые крепились уже не к полу, а к стене. Он вывалился из окна на бок вагона, и тут же в лицо ему полыхнуло огнем. Инстинктивно зажмурившись и отвернув лицо, отец Василий почувствовал запах паленого волоса. Он скатился по вагону и, сгруппировавшись, упал вниз во тьму. Пружинисто приземлился, но споткнулся о какую-то железку и ободрал себе локоть. К нему сразу же бросились люди с вопросами о самочувствии.

Первым делом отец Василий ощупал лицо и волосы на голове. Саднящей боли от ожога он не ощутил, а на ощупь вся его растительность вроде была на месте.

– Вы молодец, – похлопал священника кто-то по плечу, – последних вытащили. Теперь внутри никого не осталось.

– Ну и слава Богу, – кивнул отец Василий в ответ, и тут же заорал зычным голосом: – Отойдите все в сторону!

Он бросился к девушке в голубой железнодорожной рубашке, которая пыталась скомканным бинтом остановить кровь, хлеставшую из шеи мужчины, лежавшего на земле. Он хорошо знал, что это означает. У мужчины была перебита артерия на шее. Еще несколько секунд таких неумелых действий, и потеря крови будет несовместима с жизнью. Тут все решали буквально секунды. Отпихнув девушку с окровавленными бинтами в сторону, священник привычным движением нащупал на скользкой шее нужное место и прижал его пальцами. Кровь перестала выходить толчками, но мужчина уже лежал с закатывающимися глазами, а дыхание его было прерывистым и неглубоким.

С облегчением священник увидел, что сбоку, где, наверное, проходила какая-нибудь грунтовая дорога, замелькали фары нескольких машин. Заморгали синие «мигалки». Ну, вот и порядок теперь будет, с облегчением подумал отец Василий, повернувшись к девушке, которую только что так грубо оттолкнул.

– Не сердись, дочка, тут по-другому надо было. Речь ведь о жизни и смерти идет. Нельзя иначе.

Девушка смотрела на бородатого мужика, который зажимал артерию у раненого, и согласно всхлипывала.

– Ты, дочка, лучше беги к «Скорой помощи» и срочно веди сюда врача, поняла? – и крикнул вслед убегающей проводнице. – Расскажи про рану на шее!

– Здорово, что вы подросли, – послышался за спиной голос.

Священник повернулся и увидел, что рядом стоит железнодорожник, перемазанный с ног до головы в грязи и копоти.

– Где вы этому научились? Вы врач?

– Нет, не врач, – покачал головой отец Василий, глядя на приближающиеся фигуры в синих костюмах МЧС. – А на войне еще и не тому научишься.

– Понятно, – ответил железнодорожник.

Пока медики оказывали помощь пострадавшим, а спасатели тушили огонь и отводили на дорогу пассажиров электрички, раздавая шерстяные одеяла, отец Василий, кое-как обтерев с рук кровь, подошел к телам погибших. Никто и не обратил внимание на одинокую фигуру с массивным крестом в руках, который стоял над телами. Очень хорошо, что я оказался в этом поезде, думал отец Василий, читая привычно вполголоса молитвы, ведь кто-то же должен проводить их души навстречу Господу, который призвал их.

* * *

По странному совпадению проводницу звали Ольгой. Она привела отца Василия в свое служебное купе, никому не доверив обработку его ожогов и ссадин. Она все продолжала щебетать без остановки, комментируя подвиги священника, о которых ей рассказали, а отец Василий шипел от боли и добродушно усмехался.

– Вы настоящий священник, – восхищенно говорила девушка. – Какими все должны быть. Это надо же, полезли в огонь и спасли троих человек!

– Ну что ты, дочка, заладила, – покачал головой отец Василий, терпение которого подустало, – самый обычный священник. А для того, чтобы в огонь лезть, священником быть и не надо. Каждый должен в трудную минуту прийти на помощь ближнему. Разве не так?

– Конечно, – согласилась девушка, – только не каждый будет делать. Вон сколько там стояло пассажиров с электрички, а полезли вы один.

– Не суди их, дочка, – с укоризной сказал отец Василий. – Они такое пережили, что их можно понять. Это самый элементарный шок, который может случиться с каждым.

– Не судите, да не судимы будете? Так у вас, кажется, говорят? – усмехнулась проводница.

– У кого это у нас? – удивился отец Василий. – Так говорят все те, кто следует заветам Господа.

– Ну, я и имею в виду верующих, – пояснила проводница, дав понять, что сама себя она к ним не причисляет. – Только я с этим не согласна, хотя и отношусь к религии с большим уважением.

– Да? – рассмеялся отец Василий. – И с чем же это ты не согласна?

– С тем, что судить нельзя. Если не судить, то людям все будет сходиться с рук. А недостойные поступки нужно пресекать и предавать широкой огласке.

– Вон оно как! – весело восхитился отец Василий такой убежденности. – Здорово! Только флага в руке не хватает.

Ольга захлопала глазами, не понимая, иронизирует священник или согласен с ней втайне от канонов веры.

– Видишь ли, Олюшка, – сказал отец Василий, вспоминая о своей жене. – С таким подходом очень недалеко и до откровенной деспотии человека над человеком.

– Почему это? – искренне удивилась девушка.

– Ну, посуди сама, – терпеливо стал объяснять отец Василий. – Только давай договоримся сразу, что мы обсуждаем с тобой не тех, кто нарушил установленные государством законы, а тех, кто преступил, как тебе кажется, законы нравственные. Для того, чтобы обвинить человека в недостойном поведении, нужно установить определенные рамки, образец поведения. Но для всех случаев этого придумать невозможно. Есть определенные критерии оценки того

или иного вреда, нанесенного государству или лично одному из его граждан. Эти критерии установило государство, они необходимы для его существования как такового и нашей жизни в нем. Но есть поступки, которые никоим образом интересов государства не затрагивают, как и интересов отдельных его граждан. Например, быть или не быть испуганным во время определенной трагедии. Проявлять героизм или не проявлять, если этого не требует твой профессиональный долг. Как тут оценишь? Государство не обязывает своих граждан в повседневной жизни рисковать своей жизнью для спасения других. Это на усмотрение каждого отдельного человека. И предавать такие факты широкой огласке, а тем более давать им оценку нет оснований. У человека должна быть потребность в таких поступках, а если ее нет, то это вина не человека, а его родителей, того же государства, которое не наладило должной системы духовного и этического воспитания своих граждан.

– Как у вас все сложно, – пробормотала Ольга.

– А жизнь, Олюшка, вообще очень сложная штука, – подтвердил отец Василий. – Ты себе не представляешь, какая она сложная, если в тебе нет стержня.

– Стержня?

– Конечно, – кивнул головой отец Василий. – У каждого человека должен быть внутри стержень, опора. У меня вот таким стержнем является моя вера. Я живу и поступаю так, как мне подсказывают мои убеждения. У других людей свой стержень, свои убеждения. Одним это дается в результате воспитания дома, примера родителей, например. У других формируется в результате рода деятельности, профессии.

– Военные? – догадалась Ольга.

– Военные, спасатели вон, – кивнул в сторону окна священник, – милиция. И не обязательно именно эти профессии. Любой человек может чувствовать себя ответственным за других, за страну. Вспомни по старым фильмам, как старые рабочие гордились своей потомственностью, заводом. Эти не проходили мимо хулиганов и не глазели, как в огне гибнут люди. У них внутри был четкий стерженек.

– Ну, это все идеологические сказки! – отмахнулась девушка. – Стахановцы всякие...

– Нет, Олюшка, – покачал головой отец Василий, – идеологические, но отнюдь не сказки. Снимали и показывали такие фильмы, согласен, с идеологической точки зрения. Но костяк у людей в то время был мощный, вера у них была в свое. А у кого нет ни веры, ни авторитетов в жизни, тот ущербен по своей натуре. Потому что в огонь ради других не бросится и на амбразуру ради себя, любимого, тоже. На подвиги убежденность в своей правоте толкает и чувство ответственности за все происходящее вокруг.

Неожиданно священник сорвался с места и мгновенно оказался в коридоре около следующего купе.

– А ну-ка, постой, чадо мое! – послышался его голос.

Ольга, опешившая от такой неожиданной выходки священника, выскочила следом в коридор. Отец Василий крепко держал за руку молодого прыщеватого паренька лет восемнадцати-двадцати. Тот дергался, испуганно глядя на здорового бородатого мужика, перехватившего его у выхода.

– Че такое, – пытался ерепениться парень, – пусти!

– Э, нет, чадо, ты сначала покажи, что это у тебя за пазухой такое, – строго ответил священник.

Несмотря на активное, но абсолютно бесполезное сопротивление парня, отец Василий сунул свою руку ему за отворот джинсовой куртки и вытянул оттуда небольшую дамскую сумочку.

– Так я и знал, что без этого не обойдется, – сказал он огорченной проводнице. – Пока пассажиры на улице глазеют на аварию, обязательно какой-нибудь ловкач пробежит по купе дорогого вагона. Ну-ка, зайдем сюда, отрок.

Священник втянул парня в служебное купе проводницы и толкнул его на диван. Не слушая сбивчивых объяснений, что сумка принадлежит мамаше парня, а он просто решил вынести ее на улицу, потому что мамаша беспокоилась, что украдут.

В дверях купе возник один из проводников с нагрудным крестом отца Василия в руках.

– Все, батюшка, принимайте работу, – протянул он крест с вновь соединенной цепочкой, которую священник оборвал в горящем вагоне.

Задержанный паренек озадаченно смотрел то на проводников, то на задержавшего его бородатого мужика, который оказался попом. Вот уж незадача так незадача. Попасться на краже, да еще попу!

– Вот сейчас мы все и выясним, – обрадовался отец Василий. – Ну-ка, расскажи, в каком вагоне и в каком купе ты едешь со своей мамашей, отрок?

Парень молча опустил голову.

– То-то же, – тихо сказал отец Василий, – у меня глаз наметан. Я вашего брата за версту носом чую.

Всю ночь, пока чинили пути и пока не приехала милиция, отец Василий провел с задержанным парнем в своем купе. Никто не знал, о чем они там говорили, но когда милиция уводила вора, то он оглянулся на священника и на секунду задержался.

– Простите меня, батюшка, – наконец сказал паренек серьезно. – Я вас понял. И я очень постараюсь.

– Храни тебя Господь, – сказал отец Василий и перекрестил уходившего с милиционерами парня вслед.

Священник долго еще стоял у окна и смотрел, как парнишку сажали в машину и увозили. Отец Василий передал вора в руки милиции по простому убеждению, что всякое преступление должно быть наказано. Совершивший зло должен быть наказан, но теперь он на пути к осознанию того, что совершил зло. А это уже первый шаг к раскаянию. Может быть, одной этой ночной беседы будет и недостаточно, чтобы парнишка до конца осознал всю глубину своего проступка. Может, в колонии найдутся не менее опытные и убедительные «учителя», которые своим влиянием снова свернут парня с верного пути. Может быть. Но по крайней мере сейчас он ушел с легким сердцем, с пониманием того, что ему грозит, с готовностью понести заслуженное наказание и желанием искупить вину. А дальше все в руках Божьих.

– Батюшка! – послышался за спиной девичий голос.

Отец Василий обернулся и увидел проводницу своего вагона с пакетом в руках.

– Что тебе, дочка? – вышел из задумчивости священник.

– Вот, – девушка протянула пакет, – это вам. Подарок от нашей бригады проводников.

– Мне, подарок? – изумился отец Василий.

– Ну да. Вы посмотрите на себя. Вам ведь и переодеться не во что, а ехать еще долго.

Отец Василий глянул на то, во что превратился его спортивный костюм в результате ночных подвигов. Вид у него сейчас был, мягко говоря, предосудительный. Открыв протянутый ему пакет, он обнаружил в нем новенький костюм, еще с этикеткой. Отец Василий посмотрел в ясные и наивные глаза девушки. Наверняка кто-нибудь из бригады купил этот спортивный костюм себе или вез в подарок. Отказаться из чувства ложной скромности? Но ведь люди сделали это от чистого сердца, так к чему же эти неуместные позы?

– Благослови вас Господь, доченька, – улыбнулся отец Василий. – Спасибо, конечно, только вот с размером... При моей комплекции не оказался бы он мал.

– Вашей, вашей комплекции, батюшка, – засмеялась проводница и ушла к себе в купе.

Судя по тому, как она засмеялась, отец Василий понял, что этот вопрос горячо обсуждался среди проводников. Он вошел в купе, развернул подарок и приложил к себе. Кажется, его размер. Кто же у них такой крупный?

* * *

Спать больше не хотелось. Отец Василий посмотрел на часы – полшестого утра. После бессонной ночи со спасением пострадавших он проспал почти весь день. Потом почитал, посмотрел в окно, размышляя о своих делах и в ночь опять завалился спать. Безделье расслабляло. Надо с этим заканчивать, решил священник.

Откинув простыню, он рывком сел и посмотрел в окно поезда. Летнее солнце поднималось над горизонтом. Священник представил, как там сейчас хорошо за окном. Остатки запахов ночного леса смешиваются с запахами степных трав. Ночная прохлада тихо и незаметно сменяется солнечным теплом, которое скоро уже начнет припекать, на лесных полянках щебет птиц... А посреди поля взмоет в небо жаворонок, исчезнет и будет петь свою нескончаемую песню. И мир проснулся ото сна – вспомнилась священнику откуда-то всплывшая фраза. Душа наполнилась удовлетворением и покоем.

Все-таки вчерашний день был прожит не зря. Господь позвал его на помощь людям, помог спасти четыре молодые жизни. Это, безусловно, благое дело. Но самым ценным было не это. Вчера он пролил толику света в душу заблудшего паренька, показал ему путь, отличный и светлый, успокоил его душу, помог и поддержал перед неизбежной карой за содеянное. И эту кару тот паренек встретит без гнева и ненависти. Вот это было важнее. Сколько он занимался спасением жизней? Минут двадцать, а с пареньком он провел почти всю ночь.

Повесив на грудь свой массивный крест, отец Василий взялся за него обеими руками, прижал к груди и закрыл глаза. По всему телу растеклась блаженная истома и тепло. Давно уже отец Василий не начинал дня без этой простой и бесхитростной молитвы. Это была молитва преподобных старцев и отцов оптинских.

*Господи, дай мне с душевным спокойствием встретить
все, что даст мне сей день.*

Господи, дай мне вполне предаться воле Твоей.

*Господи, на всякий час этого дня во всем наставь
и поддержи меня.*

Отец Василий произносил эти простые, но прочувствованные слова, мысленным взором возносясь ввысь, к престолу Божьему.

Господи, открой мне волю Твою для меня и окружающих.

*Какие бы я ни получал известия в течение дня, дай мне принять
их с спокойной душой и твердым убеждением,
что на все святая воля Твоя.*

*Господи, Великий и Милосердный, во всех моих делах и словах
руководи моими мыслями и чувствами,
во всех непредвиденных обстоятельствах не дай мне забыть,
что все ниспослано Тобой.*

Эта молитва придала ему силы и уверенности. Утро становилось светлее, а на душе радостнее. И как он вовремя когда-то нашел эту молитву, в свое время она помогла ему победить в себе эту раздвоенность, примирить отца Василия со своим вторым я – Мишаней Шатуновым, бывшим спецназовцем, человеком мечущимся, озлобленным, с беспокойной, нарывающей, как болячка, душой.

*Господи, дай мне разумно действовать с каждым из ближних моих,
никого не огорчая и никого не смущая.*

*Господи, дай мне силу перенести утомление сего дня
и все события в течение его.*

Руководи волей моей и научи молиться и любить всех нелицемерно.

Аминь.

Отец Василий сидел, прислушиваясь к странному ощущению – спокойствию и душевному подъему. Он улыбнулся сам себе. Главное, что он постиг за эти годы, было умение относиться с любовью ко всем и вся. Научиться относиться без ненависти и раздражения к тем, кто творит черное дело было нелегко. Они достойны не ненависти, а сожаления, скорби и любви. Помощь им возможна только с любовью, а любая другая помощь – лишь ее видимость.

Забросив на шею полотенце, отец Василий вышел в коридор, а потом и в тамбур вагона. Там было накурено еще с вечера. Священник поморщился от застоявшегося запаха табака и на некоторое время открыл дверь перехода между вагонами. В тамбур сразу же ворвался грохот колес, стук вагонной сцепки и свежий воздух с запахом дымка.

Ну и достаточно. Закрыв дверь, отец Василий занялся короткой, но энергичной зарядкой. Много лет назад, когда он сцепился в единоборстве с бандитами Парфена, священник почувствовал, что тело начинает подводить его. Не та реакция, не та точность движений, не хватало дыхания. С тех пор отец Василий и стал заниматься для себя, устроив дома и во дворе самые простые приспособления в виде турника, шведской стенки и купив десятикилограммовые гантели. Он старался даже не пропускать пробежек по утрам, хотя погода не всегда располагала к этому. Теперь тело само требовало нагрузок, привыкло.

В этих занятиях отец Василий не видел ничего греховного или недостойного священника. В здоровом теле – здоровый дух. Точнее, здоровое тело способствовало большей активности и лучшему восприятию. В доме у него даже висела самодельная боксерская груша, которую он периодически молотил. Вот к этому матушка Ольга относилась с неодобрением.

– Не только молитвой и крестом, Олюшка, – смеясь, отвечал на это отец Василий, отрабатывая удары. – Вспомни-ка, как мне это пригодилось в свое время. Нет в том большого греха, чтобы силой негодяю отпор дать. Не в том смирение должно проявляться.

– А в чем же? – удивлялась Олюшка, понимая, что ее батюшка опять шутит.

– В почитании женой мужа своего, – сделав страшно суровые глаза, говорил отец Василий.

– Да ну тебя, – смеялась Олюшка и, махнув полотенцем, убежала на кухню.

«Вот тебе и «ну», – думал о жене отец Василий, делая в тамбуре энергичные наклоны с поворотом корпуса. – Если бы не мои ежедневные занятия, то сегодня в горящем поезде мог бы и сплеховать. Мало того, что людей бы не спас, мог и сам погибнуть. Не столько для своего тела я это делаю, сколько для поддержания уверенности в себе. Если это помогает нести слово Божее, то греха в этом я не вижу».

После утренней зарядки и завтрака сидеть или лежать отцу Василию уже не хотелось. Отсидел и отлежал уже все бока. Только теперь он понял, как своевременно поступило ему предложение из епархии и осознал, что стал закисать в своем Усть-Кудеяре, в рутине погряз. Природная энергия требовала активной деятельности, новой задачи.

Поразмышлять, стоя у вагонного окна в коридоре, священнику не дали. Краем уха он слышал в соседнем купе перебранку двух женщин. Одна, судя по всему, была каким-то чиновником, которая из-за происшествия на дороге опаздывала к месту своего назначения; вторая, очевидно, была ее помощницей. Сколько злобы еще в людях, покачал головой отец Василий, слушая возмущения, раздававшиеся рядом. Вот ведь беда случилась, есть погибшие, а она вместо того чтобы посочувствовать, костерит всех направо и налево. Неужели ей кажется, что на свете нет ничего важнее дел ее чиновничьих? Что судьбы, радости и горести людей, служить которым она обязана, – ничто по сравнению с ее делами? А ведь все ее дела – как раз и есть эти люди. Как же она погрязла в своей чиновничьей суе, что не видит той дистанции, почти пропасти, которая уже отделяет ее от реально существующего окружающего мира. Этот мир шире, богаче и ярче, чем ей кажется из ее кабинета, записывается в строках отчетов, статистики и различных планов мероприятий.

Отец Василий не ожидал, что ему тоже достанется своя порция яда из уст возмущавшейся женщины.

– Вот! У нас здесь, оказывается, батюшка стоит! – послышался за спиной недовольный и желчный голос женщины.

Причем прозвучало это таким тоном, как будто чиновница делала выговор своим подчиненным – ну вот, оказывается, у вас и территория не убирается. «Вразуми ее Господь, – мысленно с вздохом попросил отец Василий. – И меня вразуми, дай мне терпения и мудрости».

– Доброе утро, – мягко сказал священник, обернувшись на голос.

– Доброе? – удивилась чиновница таким тоном, как будто ее застали за непристойным занятием. – Это какое же оно доброе? Интересно, священник после всех этих ночных кошмаров заявляет, что утро доброе. Вы что-то там в своих церквях совсем уже... – Женщина замялась на секунду, и священнику показалось, что с ее уст слетит слово «ополоумели». – От жизни вы там отстали.

Интересный поворот, добродушно подумал священник. Не знает, как и чем, а попрекнуть надо. Эта сейчас всех достанет, до кого только дотянуться сможет. Надо ее уговорить, а то она всем кровь попортит за утро. К тому же он заметил в вырезе дорожного халата на шее женщины золотой нательный крестик. А ведь, поди, крещеная. Или, может, отдает дань моде, как украшение носит.

– Вы что-то хотели спросить? – спровоцировал отец Василий чиновницу.

– Гос-споди, – с пренебрежением проговорила женщина, – а что вас спрашивать? У вас ведь на все один ответ.

– Простите, не понял? – разыграл крайнее изумление отец Василий.

– Вы вот мне скажите, – снисходительным тоном до предела уверенного в себе человека потребовала женщина, встав рядом со священником и уставившись недовольным взглядом в окно. – Как это вот с религией вяжется? (Как это она еще удержалась и не сказала «с вашей религией».) Если бог всех любит, о каждом из нас думает, то зачем он допустил все это, гибель людей?

Явно хотела продолжить, догадался отец Василий, что, мол, зачем он допустил гибель людей и то, что я, такая занятая, опаздываю по своим делам.

– Вопрос, я так понимаю, риторический, – с сожалением посмотрел на женщину священник.

– Почему же – риторический? – не унималась женщина. – Сказать нечего? Неисповедимы пути Господни, – процитировала она.

– Вот вы сами и ответили, – опять провокационно ответил священник.

– Что я ответила? – в крайнем изумлении повернулась женщина. По ее лицу было понятно, что не только Бог, но и отец Василий виновен во всем, что не устраивает в этом мире эту чиновницу. – Так проще всего отвечать. Это сродни ответу «я не знаю, почему он допустил такое». Если уж вы служите Богу, то должны были бы придумать более подходящий убедительный ответ.

– Ответ существует, – ответил отец Василий, – уже много сотен лет. Только мне кажется, что он вас не особенно интересует. Если вы в самом деле хотите его знать, то давайте хотя бы войдем в купе и сядем. Мне кажется циничным вести такие беседы между делом, стоя в коридоре.

С этими словами священник повернулся и вошел в купе женщин, не оставив чиновнице выбора. Не станет же она его выставить и скандалить. В крайнем случае, откажется от дискуссии и намекнет, что его присутствие нежелательно. А вот в присутствии своей подчиненной ей придется держать форму и создавать хоть какую-то видимость умной беседы. Отец Василий сразу понял, что эта чиновница по своему культурному уровню недалеко ушла от базарных торговки. Некоторая «камерность» их беседы должна сразу же ослабить ее хамский

напор. Священник не собирался «ставить» женщину на место и ни в коем случае не собирался унижать ее, задавив своим авторитетом и способностью убеждать. Кстати, с такой категорией людей это практически невозможно. А вот попытаться логикой открыть ей глаза на то, в чем она абсолютно не разбирается и не понимает, стоило. Всего лишь маленькая попытка приоткрыть перед человеком занавес, показать ему частичку того огромного мира, который существует рядом с ней. Мир, о котором она судит только по таким источникам, как «Сказка о попе и работнике Балде» или ранний труд Ленина «О религии». По возрасту она еще должна была сдавать в вузе на госэкзаменах научный коммунизм. Если только у нее вообще есть за спиной какой-нибудь вуз.

Помощница чиновницы испуганно поздоровалась с батюшкой, который неожиданно появился в дверях купе. Она прекрасно слышала все выпады своей начальницы в сторону религии и теперь опасалась скандала. Отец Василий ответил на приветствие и присел напротив женщины. Чиновница вошла следом, демонстрируя свое снисхождение и полную безнадежность позиции батюшки. Она явно считала, что он ввязался в идеологический поединок не своей весовой категории.

Ситуация показалась отцу Василий ироничной. Не так уж давно он сталкивался с подобным. Только тогда это было связано с разборками в кругу «крутых» ребят. Следовало бы в духе тех разборок сейчас сесть перед женщиной, выкатить вперед челюсть, зыркнуть глазами и потребовать ответа за «базар». Типа «ты на кого наехала»? Или – «ты на кого прыгаешь»? Правда, тогда ответа требовали с него, когда отец Василий попал в мясорубку передела криминальной власти, встал на пути наркотрафика или, сам того не зная, влез в дела того же самого Чичера. «Смешно было бы посмотреть на эту тетку при таком повороте разговора, – подумал священник. – Прости меня, Господи, за ерничество».

– Так в чем состоит ваш вопрос? – напомнил отец Василий.

– За что покарал ва... э-э, Бог этих несчастных, которые погибли ночью в электричке? – спросила женщина, чуть не брякнув «ваш Бог». – Если он такой любящий всех и все милостивый, то почему допустил гибель невинных?

– Почему вы решили, что Бог кого-то покарал? – удивился священник. – Откуда у вас мысли, что Бог вообще кого-то когда-либо карал? Разве смерть – это кара? – Отец Василий специально не дал женщине возможности ответить и продолжил без паузы: – Вы ведь прекрасно знаете, что телесная смерть неизбежна. Смерть – это окончание срока, отпущенного нам Господом. А уж он и решает, когда и кого ему призвать. Причем же здесь кара?

– Так почему же он так рано призвал тех, кто погиб сегодня ночью?

– Откуда вы знаете, что рано? Это вы сейчас решили, что рано, а у каждого свой срок. Мы с вами об этих сроках ничего не знаем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.